

Е. А. Мехмадиев

ВОЙСКОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕРИМСКОЙ КИРЕНАИКИ В IV–V вв.: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ДАННЫХ СИНЕЗИЯ КИРЕНСКОГО

На основании данных Синезия Киренского, а также надписей и папирусов автор пришел к выводу, что до 394 г. н.э. в Киренаике не было собственной региональной армии. Только в этом году в провинцию были приведены воинские отряды, имевшие статус пограничных гарнизонов (*limitanei*).

Ключевые слова: Киренаика, Синезий Киренский, кочевые племена, вексиляции, легионы, варвары, пограничные войска, полевые армии.

Вопрос о военной организации позднеримской Киренаики (совр. северо-восточное побережье Ливии до границы с Египтом) является крайне сложным, противоречивым и в то же время неординарным, поскольку он связан с изучением развития восточноримской (ранневизантийской) пограничной и полевой армии. Специфика изучения этой провинции предельно четко, как нам кажется, выражена всего в одной фразе документа, известного под названием *Notitia Dignitatum*, – списка всех военных и государственных должностей обеих половин империи, который дошел до нас в так называемом *Codex Spirensis* – латинской рукописи, датируемой концом IX – началом X в. и включающей в себя, помимо самой *Notitia*, тексты римской дорожной карты конца III в. *Itinerarium Antonini* и военно-полемический трактат *Anonymus de Rebus bellicis*¹. В данном случае на с. 62 своего монументального и непревзойденного издания *Notitia O. Zeeck*, очевидно не без сожаления, отмечает, что лист рукописи ND, содержащий сведения о дуксе и войсках Киренаики (Нижней и Верхней Ливии), «*excidit*», а именно – «вырван/вырезан/исчез», т.е. не сохранился до наших дней.

И в этом смысле единственным достоверным источником по военной организации Киренаики можно назвать только письма Синезия Киренского, уроженца Кирены и епископа Птолемаиды, жившего в период примерно с 365/375 до 411/413 г.² Но сведения, переданные епископом, отражают уже наиболее поздний этап из указанных выше хронологических рамок, поэтому корреспонденция епископа вряд ли может служить для нас несомненным ориентиром для анализа изменений, произошедших в военной организации этой провинции в предшествующие периоды, например в начале или в середине IV в.

Именно в неоднозначном состоянии источниковой базы заключается главная особенность представленной темы – последовательное изучение военной истории

Мехмадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Более подробно об истории «Шпайерской рукописи» и ее последующих копиях см. Maier 1968, 96–99; 1969, 981–999; Neira Faleiro 2004, 428–438.

² См. Martindale 1980, 1048–1050 (Synesius 1) – в целом мы солидарны с позицией авторов-составителей сборника, учитывающих сравнительную хронологию эпистолярного наследия и других работ Синезия.

позднеримской Киренаики, во-первых, неизбежно будет *реконструкцией*, восстановлением этапов этой истории по иным – документальным – источникам (надписи и папирусы, сохранившие отрывочные и разрозненные сведения). Во-вторых, следует подчеркнуть, что гарнизоны Киренаики были неразрывно связаны с перемещениями и развитием войск в пределах других провинций, пограничных с западным берегом Ливии, среди которых прежде всего следует назвать Проконсульскую Африку. Поэтому считаем вполне целесообразным рассмотреть военную организацию Нижней и Верхней Ливии не только как замкнутую «вещь в себе», но и в контексте постоянных внешних связей и взаимодействий с местными армиями других регионов восточной половины империи.

Греческая посвяtitельная надпись SEG. IX. 9 и проблема римского военного присутствия в Киренаике в конце III – начале IV в.

В 1938 г. в № 9 голландского эпитафического ежегодника «Supplementum Epigraphicum graecum» была перепечатана греческая надпись из Кирены, впервые опубликованная еще в 1916 г., но долгое время не привлекавшая внимание исследователей. В 1934 г. итальянский археолог Дж. Оливерии переиздал этот памятник, предложив его лучшее чтение и исправив некоторые спорные фрагменты старой версии текста, – именно новая публикация Дж. Оливерии была воспроизведена авторами-составителями SEG. IX, поэтому и мы считаем целесообразным цитировать текст монумента в той же версии:

SEG. IX. 9

Αὐτοκρ(άτωρ) Καίσαρ(αρ) Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Κλαύδιος Σεβ(αστός), |
ὄπλοις ἀναστίλας τὴν πολυχρόνιον | Μαρμαριτῶν θρασύτητα,
Κλαυδιόπολιν, | ἐπόνυμον ἑαυτοῦ, ἐκ νέας ἰδρύσατο,
ἡγούμενου || τὸν πόλεμον καὶ κτίζοντος Πρόβου τοῦ διασημοτ(άτου)
ἐπάρ(χου) Αἰγύπ(του).

«Император Цезарь Марк Аврелий Клавдий Август, оружием отразивший долгое пребывание и дерзость Мармаритов, Клавдиополис, названный так по его имени, воздвиг в то время, когда *vir perfectissimus* Проб, префект Египта, провел войну и основал (город)».

Несмотря на попытку П. Ламбрехта поставить под сомнение идентификацию префекта («эпарха») Проба с одноименным персонажем ряда литературных источников, мы полагаем, что аргументация исследователя выглядит недостаточно убедительной. П. Ламбрехт решительно исходит из того, что вся литературная традиция единогласно помещает военные кампании, проводимые «дуksom Египта» Пробом³, в пределы Северной Африки⁴, в то время как составитель надписи

³ Именно в этом качестве он фигурирует в нескольких главах жизнеописания императора Клавдия II: *Dux tamen Aegyptiorum Probatu Timagenis insidiis interemptus est* («Но дук Египта Пробат был умерщвлен вследствие козней Тимагена») – v. Claud. XI. 2.

⁴ Более точно – в земли, пограничные с Карфагеном, где развернулось восстание местного населения против римской власти: *atque ex Libya Carthagine transiit ea<n>demque a rebellionibus vindicavit* («перешел и из Ливии Карфагенской, и ее же он спас от восстаний») – v. Probi. IX. 1.

уверенно заявляет о военных победах, одержанных наместником Пробом над племенем мармаритов, живших вблизи дельты Нила, к востоку от Киренаики⁵.

Несомненно, сведения биографий *Historia Augusta* дают нам крайне противоречивую картину последовательности событий и деяний персонажа с именем Проб/Пробат, который фигурирует сразу в двух текстах – «Жизнь Клавдия» и «Жизнь Проба», при этом последний в 276–282 г. также был римским императором. Но если относительно хронологии военных кампаний действительно сложно прийти к каким-либо однозначным выводам, то вопрос о личности Проба/Пробата, как нам кажется, не вызывает серьезных сомнений – в свете данных другой надписи, на этот раз латинской строительной дедикации, мы можем проследить примерный путь административной карьеры этого персонажа и установить динамику его должностей. Надпись из знаменитого североафриканского города Тимгад (пров. Нумидия), опубликованная в 1936 г. А. Штайном, не только позволяет ответить на вопрос об идентификации префекта («эпарха») и «дукса» Проба, но и вносит совершенно новые данные о военной структуре и организации Киренаики в середине – конце III в. В данном случае этот монумент сообщает о строительных работах, проведенных и выполненных в Тимгаде по приказу презида (наместника) Нумидии Тенагина Проба:

AE. 1936. 58.

[Imp(eratori)] Caesari M(arco) [Aurel]io Claudio [Pio] / [Felic]i Invicto Au[g(usto) pon]tif(ici) max(imo) tr(ibunicia) [pot(estate)] / patri [patr]iae proc(onsuli) / [Te]nagino Probu[s pr(o)consul] prov(inciae) cum Tha[mug(adensibus)] / [ded(icavit)] operi praep[os(ito) a]b eodem prae[side] / Domitio Sec[un]di[no].

А. Штайн совершенно справедливо датировал надпись 268 годом, поскольку, как подчеркнул исследователь, в тексте не упоминается консульское звание императора Клавдия II, которое он впервые принял только в 269 г. Более того, в перечислении почетной титулатуры Августа отсутствуют и победные эпитеты *Gothicus* и *Parthicus*⁶. В данном случае, в соответствии с представленными критериями, на то же время падает и составление греческого монумента из Кирены – надпись «эпарха» Проба не могла быть воздвигнута позже 268 г., поскольку и в этом тексте титул консула еще не фигурирует. Следовательно, мы можем подчеркнуть, что персонаж, упоминаемый в двух надписях, – одно и то же лицо, и сами эпиграфические документы отразили в своем содержании два последовательных этапа его военной и административной карьеры, стремительно взлетевшей вверх в течение одного года.

Другими словами, в 268 г. презид Нумидии Тенагин Проб провел в Северной Африке удачные боевые операции, быстро и эффективно подавившие волнения местного населения, и в награду за одержанные победы в том же году он получил повышение по службе и был переведен в Египет уже в ранге префекта («эпарха») этой провинции, где под его командованием развернулась не менее удачная экспедиция против племени мармаритов, вторгшихся в дельту Нила. Не случайно и *Historia Augusta* в биографии императора Проба упоминает о небольшой и кратковременной кампании против этого племени, которая, по утверждению автора,

⁵ Lambrechts 1937, 132–133.

⁶ Stein 1936, 239–240.

произошла на одном из начальных этапов карьеры будущего Августа (*Pugnavit et contra Marmaridas in Africa fortissime eosdemque vicit – v. Probi. IX. 1*).

В этом смысле, безусловно, мы можем согласиться с А. Штайном и в том, что победа над мармаритами была вполне удачно приписана императору Пробу автором его биографии, перепутавшим, либо сознательно перенесшим деяния одноименного *генерала Проба* на героя своего повествования⁷. Таким образом, «эпарх» Египта Проб и «презид» Нумидии Тенагин Проб – один и тот же персонаж, которого мы не можем отождествить с императором Пробом, но в этом случае остается другой, вполне закономерный вопрос – какие новые сведения эпизод о карьере и военных успехах Проба дает для изучения нашей темы, в чем состоят важность и значение цитированных выше надписей применительно к военным аспектам?

Прежде всего, первое, что обращает на себя внимание, – очевидное отсутствие в Киренаике в этот период (в середине III в.) каких-либо собственных военных сил или гарнизонов, поскольку дедикация из Кирены предельно четко говорит о переводе войсковых подразделений из Египта в Киренаику, но не о размещении или длительном присутствии в этом регионе местных римских крепостей, более того – судя по контексту латинской надписи из Тимгада, мы можем поставить вопрос об участии в войне с мармаритами и нескольких соединений, отправленных из Нумидии ее наместником Тенагином Пробом. В частности, Р. Гудчайлд еще в 1962 г. опубликовал и ввел в научный оборот фрагментарно сохранившуюся латинскую надпись из Птолемаиды, упоминающую вексилляцию (небольшой кавалерийский отряд примерно в 500 всадников) третьего легиона Августа (*legio III Augusta*), – основы военных сил римлян в Северной Африке, штаб-квартира которого располагалась именно в Нумидии, в знаменитой крепости Ламбезе⁸:

Ped(atura) vexil(lationis) leg(ionis)
[I]II Aug(ustae) curante
Aur(elio) Muciano duc(?)

Сам издатель отметил, что датировка памятника представляет собой крайне сложный вопрос и не подлежит точной идентификации, подчеркнув при этом, что размещение в Птолемаиде укрепленного лагеря, по сути – ставки (*pedatura*) вексилляции, выделенной из нумидийского легиона, могло быть связано с грабительскими рейдами местных кочевых племен, особенно усилившими свой натиск с середины III в.⁹ В этом контексте мы можем предположить, что, скорее всего, и в 268 г. вексилляция *legio III Augusta* была отправлена в Киренаику специально для отражения угрозы со стороны мармаритов, но пребывание этого войскового подразделения в Птолемаиде, судя по всему, не было долгим и ограничилось только временем самой военной кампании, т.е. после завершения боевой операции указанная выше вексилляция вернулась в свой «материнский» легион с центром в Ламбезе¹⁰.

⁷ Stein 1936, 237–238.

⁸ Goodchild, Reynolds 1962, 40.

⁹ Goodchild, Reynolds 1962, 41.

¹⁰ В целом солидарен с этой позицией и Д. Роке, автор фундаментального очерка о социальной и политической организации позднеантичной Киренаики по данным произведений Синезия Киренского. Более того, исследователь даже приходит к более решительным выводам, полагая, что вексилляция *legio III Augusta* «безусловно» была отправлена в 268–270 гг. в Киренаику для подавления нашествий мармаритов, и только благодаря этой военной помощи экспедиция префекта Проба завершилась удачно. См. Roques 1987, 218.

Тот факт, что структурно-тактическая единица *legio III Augusta* вполне могла принимать участие в борьбе с вторжением варваров-бедуинов, не позволяет нам согласиться с мнением М. Бенабу о падении роли этого легиона в защите Северной Африки после 238 г., когда его гарнизоны приняли непосредственное участие в местных узурпациях и военных мятежах¹¹. Скорее наоборот, мы можем говорить об активной роли в обороне провинций, которую *legio III Augusta* продолжал играть и после гражданских войн и конфликтов, связанных с обстоятельствами правления императора Гордиана III.

Но для нас важен скорее другой вопрос – как складывалась дальнейшая судьба провинции Киренаика в военном аспекте и какими были последующие этапы ее военной истории, привел ли кризис 268 г. к каким-либо реальным изменениям в деле защиты и обороны восточного побережья Ливии? С уверенностью можно ответить на поставленный вопрос отрицательно, поскольку и в эпоху Диоклетиана, т.е. уже в конце III – начале IV в., Киренаика все еще была лишена собственных гарнизонов и продолжала оставаться исключительно «гражданским» регионом. Вполне весомое подтверждение этому выводу нам дает источник восточного, не греко-латинского происхождения, а именно – житие епископа египетской Александрии Петра Атталийского (Атталия = Анталия в текстах античных авторов), в оригинале составленное на эфиопском языке и переведенное на английский (единственный на сегодняшний день перевод этого жития на современный западноевропейский язык) в 1980 г.

В рассказе о мученичестве и подвигах за веру Петра Атталийского, очевидца массовых казней и преследований христиан в конце III в., мы можем найти подробное и детальное описание благих дел епископа, который и сам стал жертвой гонений Диоклетиана. В этом смысле важно подчеркнуть, что среди деяний Петра наиболее высокой похвалы удостоивается факт милосердия, проявленного им в отношении уже известного нам племени мармаритов: после «назначения» (очевидно, избрания) Петра на должность александрийского епископа «в 19-й год правления Диоклетиана» состоялась очередная военная кампания римлян против мармаритов, на этот раз завершившаяся пленением и депортацией в Александрию большого числа жителей этого региона. Когда же пленные кочевники были распределены по домам Александрии, герой нашего жития лично «выкупил 500 пленников Мармарики (Μάρμαρισε, согласно транслитерированной версии эфиопского оригинала, указанной в примечании переводчиком. – *Е.М.*) и отправил их обратно в их страну» (The story is like this: He was appointed bishop on the nineteenth year [of the reign] of Diocletian. Once... there happened the captivity of Marmarica and the deportation (?) which took place by [the order of] Diocletian. While the captives of Marmarica were driven and deported through Alexandria, he redeemed five hundred captives of Marmarica and sent them to go back to their country)¹².

Как блестяще установил в своем исследовании Д. Вудс, точная хронология событий, изложенных в житии, падает на 302 год, в который анонимная Александрийская хроника, составленная в конце IV в., помещает запись о прибытии Диоклетиана в Египет и новых массовых казнях христиан в Александрии. В свою очередь, военно-политический контекст цитированного пассажа, по мнению Д. Вудса, вновь был связан с крупной карательной экспедицией, развернувшейся в этом году против мятежных мармаритов и потребовавшей перевода в Египет сил полевой

¹¹ Bénabou 1976, 210.

¹² Haile 1980, 92.

армии¹³. Безусловно, как и в случае с надписью «эпарха» (префекта) Проба, мы видим полное отсутствие каких-либо войсковых подразделений местного, локального, уровня в пределах Киренаики, более того, на этот раз экспедиция против мармаритов была проведена даже не силами пограничных гарнизонов соседнего Египта, но исключительно с помощью военных подкреплений, прибывших вместе с Диоклетианом из малоазийской Никомедии, где размещалась его императорская резиденция.

При этом примечательно, что даже несмотря на полный разгром мармаритов, пленников из этого племени не использовали для комплектования и размещения гарнизонов в самой Киренаике – мера, которая, как мы полагаем, на первое время могла бы создать заслон дальнейшему продвижению остальных групп мармаритов в глубь территории Нижнего Египта и самой Киренаики. Этот факт особенно удивляет в контексте той политики, которую проводил Диоклетиан после умиротворения Мармарики. Согласно сразу нескольким версиям греческого «Жития Феодора-рекрута», опубликованным в *Acta Sanctorum. Novembris, t. IV*¹⁴, в городе Амасия (Амасейя) на южном побережье Черного моря (в пределах провинции Геллеспонт с административным центром в городе Кизик) «во времена царей Максимиана и Максимиана»¹⁵ размещался так называемый «легион мармаритов», находившийся под командованием «препозита Бринка», в который и был зачислен молодой рекрут Феодор (κρατηθεὶς Θεόδωρος εἰς τήρωνα... ἤχθη εἰς λεγεῶνα καλουμένην Μαρμαριτῶν ἥτις λεγεῶν ἐκαθέζετο ἐν πόλει Ἀμασίᾳ τῆς Εὐξεινίου Πόντου ὑπὸ πραιπόσιτον Βρίγκαν).

В этом смысле другой агиографический источник – «Житие святого мученика Христофора» – сообщает совершенно неправдоподобные сведения о существовании этого легиона уже в эпоху императора Деция (249–251 гг.), организовавшего в середине III в. очередную серию гонений на христиан. В данном случае, по сведениям «Жития», жертвой преследований стал и опытный солдат Христофор, исповедовавший христианскую веру и служивший в «легионе мармаритов» (Ἐτοὺς τετάρτου τῆς βασιλείας Δεκίου – уже эта фраза заставляет поставить под сомнение достоверность сведений «Жития», поскольку Деций правил не более двух полных лет, в то время как в тексте речь идет о событиях, произошедших «в четвертый год правления Деция» – ...καὶ στρατεύσας αὐτὸν ἐν τῷ νουμέρῳ τῶν μαρμαριτῶν – *Martyrium sancti martyris Christophori. 1, ed. G. van Hooff, p. 122–123*)¹⁶.

Несомненно, мы можем признать, что все войсковые подразделения, навербованные из мармаритов, были созданы не ранее правления Диоклетиана, поскольку текст эфиопского жития епископа Петра Александрийского – первое упоминание о массовых перемещениях и депортациях этого племени – помещает рассказ об этих событиях в 302 год. Наконец, следует добавить, что мармариты не были обойдены вниманием и автором-составителем *Notitia Dignitatum*, в восточном списке которой содержится упоминание так называемой третьей когорты Валерия, размещенной в Сирии и носившей дополнительное наименование *Marmantarum* (ND. Or. XXXIII. 34).

¹³ Woods 1994, 173–174.

¹⁴ Первая версия – с. 29–30, вторая версия – с. 40, в данном случае мы цитируем первую версию, поскольку оба списка в этом фрагменте расходятся незначительно и в содержательном плане дают совершенно идентичную информацию.

¹⁵ Очевидно, период так называемой второй Тетрархии, 305–308 годов, эпоха совместного правления императора Августа Максимиана Галерия и его Цезаря Максимиана Дазы на востоке Римской империи.

¹⁶ Текст цитируется по изданию: Hooff 1882, 121–148.

Подчеркнем, что и в этом случае мы сталкиваемся с той же устойчивой чертой административной истории Киренаики в IV в., а именно – вплоть до конца столетия в этой провинции не было собственной пограничной армии, не было и каких-либо местных гарнизонов, и даже эпизод с пленением кочевников-мармаритов в 302 г. не привел к изменению этого принципа.

Пленные мармариты по не известным нам причинам рассматривались правителями-тетрархами как «материал» для формирования кадрового состава войсковых подразделений, размещенных *за пределами* Киренаики и удаленных от нее на значительные расстояния. В то время аналогичные случаи с германскими племенами на рейнской границе приводили к расселению пленных франков или аламаннов в пограничных провинциях на правах военных колонистов (летов), при этом, как неоднократно подчеркивают латинские панегирики, германцы-леты размещались непосредственно в тех областях Галлии, которые они до недавнего времени столь уверенно и успешно грабили.

Узурпации Магна Максима и Евгения: к вопросу о размещении новых военных сил в Киренаике в конце IV в.

Тем не менее, как было сказано ранее, применительно к первой четверти V в. сведения из писем Синезия Киренского не только позволяют утверждать о постоянном военном присутствии римлян на территории Киренаики, но и могут свидетельствовать о размещении в этом регионе войсковых соединений, ранее пребывавших в составе армий других провинций. Этот факт вступает в явное противоречие с изложенным выше материалом, свидетельствующим, что на рубеже III–IV вв. в Киренаике еще не было собственной региональной армии и в военном отношении данная провинция оставалась практически незащищенной. Возникает вполне закономерный вопрос: когда Киренаика получила новые военные силы, безусловно переведенные из других регионов? В этом смысле важно подчеркнуть, что сведения Синезия позволяют утверждать о размещении в Ливии постоянных гарнизонов, в задачи которых входила защита от рейдов и нападений со стороны местных кочевых племен, т.е. их функции не изменились по сравнению с началом IV в., но совершенно определено, что формирование новой региональной армии было результатом обстоятельств политического, а не стратегического характера.

Из обширной корреспонденции Синезия мы можем выделить несколько писем, которые содержат данные о размещении в Киренаике небольших гарнизонов, укомплектованных войсками разного этнического состава и территориального происхождения, а именно – письма 5, 78, 87, 95, 110 и 130¹⁷. Д. Роке в ходе скрупулезного и обстоятельного анализа сравнительной хронологии работ Синезия установил примерную датировку каждого из указанных писем, представив результаты своего исследования в виде таблицы, сведения которой мы принимаем в качестве рабочей гипотезы для определения дальнейшей истории войсковых подразделений Киренаики. По мнению исследователя, «военная» тематика в творчестве епископа отражает следующие этапы¹⁸:

¹⁷ Здесь и далее нумерация и ссылки на письма Синезия даны по новейшему критическому изданию: Garzya 2003a; 2003b.

¹⁸ Roques 1987, 452–453.

5	23 октября 407 г.
78	июнь 411 г.
87	февраль – август 411 г.
95	первая четверть 407 г.
110	405 г., точная дата не определена
130	май 405 г.

Но в связи с представленной хронологией считаем вполне оправданным и целесообразным обратиться к текстам двух греческих папирусов, которые, как нам кажется, могут дать ответ на поставленный выше вопрос: когда именно и из каких регионов произошел перевод войсковых подразделений, фигурирующих в письмах, в Киренаику? Те примерные хронологические ориентиры, которые мы можем выявить по данным документам, позволят проследить и оценить территориальные и организационно-правовые аспекты военной истории сразу трех провинций – Киренаики, Египта и Проконсульской Африки.

Первый документ – папирус из коллекции Лейпцигского университета, датированный 388 г. по наличию упоминаний о совместном консульстве императора Феодосия I Великого и префекта Востока Флавия Кинегия. Папирус предельно четко сообщает о выдаче продовольственной анноны «воинам, поднимающимся в Пентаполис с целью отплытия в Африку» (ἀχούρου τοῖς ἀνιούσιν στρατιώταις εἰς Πεντάπολιν ἀπελευθερούμενοις εἰς Ἀφρικτὴν – P. Lips. I = Mitteis 1906, 198–199, № 63, 7). Из цитированного пассажа видно, что военные контингенты, которым была направлена аннона, именно «поднимались», т.е. двигались вверх по течению Нила в направлении к северо-западной Киренаике (Птолемаиде), – в этом смысле совершенно не случайно папирус упоминает о предстоящей отправке данных войсковых корпусов из Птолемаиды в соседнюю Проконсульскую Африку, поскольку из близлежащей Киренаики перемещение небольшой региональной армии могло быть произведено более оперативно. У. Вилькен в данном контексте совершенно справедливо определил, что причастие ἀνιούσιν в Dativus Pluralis из 7-й строки папируса может обозначать военный поход войскового контингента «из Египта в Пентаполис», но не передвижение боевых подразделений внутри Египта, как трактовали этот текст другие исследователи¹⁹.

Мы полагаем, что эпизод с доставкой продовольствия и отплытием войск в Африку в 388 г. может быть поставлен в контекст более общих и масштабных событий политической истории империи конца 380-х годов. Как известно, в 388 г. восточноримский император Феодосий I совершил военную экспедицию в северную Италию, где он одержал победу над войском западноримского узурпатора Магна Максима, вторгшегося в Италию в 387 г. Поскольку вопросам узурпации Магна Максима и особенностям его внутренней политики в Галлии посвящена обширная научная литература, не будем специально останавливаться на этих сюжетах, но позволим себе подчеркнуть один предельно важный для нашей темы факт, а именно: блестящие и обстоятельные исследования Ж.-Р. Паланка и Д. Веры убедительно доказали, что в 384 г. между Феодосием и Магном Максимом было заключено соглашение, согласно которому Галлия и Британия перешли под контроль Максима, а северная Италия осталась под властью законного западноримского императора Валентиниана II²⁰.

¹⁹ Wilcken 1908, 477–478. Ему же принадлежит авторство исправления первоначальной версии – Ἐπτάπολις, фигурирующей в самом издании, на Πεντάπολις.

²⁰ Vera 1975, 268–271; Palanque 1965, 257–258.

Тем не менее следует отметить, что Северная Африка, в административном плане принадлежавшая к италийской префектуре, признала власть Магна Максима в качестве равноправного с Валентинианом II императора-соправителя. Об этом свидетельствуют две надписи из Проконсульской Африки, в которых Магн Максим фигурирует как император, при этом одна из них была составлена и воздвигнута по решению консулария объединенной «новой» провинции Мавретании Цезарейской и Тингитанской²¹, что определенно указывает на поддержку власти узурпатора со стороны местной провинциальной администрации:

CIL II. 4911 = AE. 1957. 311, строки 1–6
(курсив наш. – Е.М.)

*Iussu domini et princip[is] / magni Maxi-
mi victo[r]i[fo]sis[is] / semper Augusti
[---] / Antonius Maximinu[s] ---] / novae
provinciae Ma[ur]etaniae C(aesariensis)
et T(ingitanae) / primus consularis e[t
antea] / praeses*

CIL VIII. 22076
(курсив наш. – Е.М.)

*D(omi)n(is) nn(ostris) / Mag(no) Ma/ximo
et Fl(avio) / Victori PP(iis) FF(elicibus) /
pp(erpetuis) semper / Augg(ustis) /
m(unicipium) A(gbiense) d(evotum) n(umini)
m(aiestatique) / ee(orum)*

Мы можем заключить, что в данных условиях военная экспедиция, отправленная из Египта в Киренаику, была проведена именно с целью предполагаемых боевых действий с войсками, поддерживавшими власть Магна Максима в пределах Проконсульской Африки и Мавритании. С.И. Оост, как нам представляется, убедительно связал перевод войсковых корпусов в Африку с необходимостью оказания военной помощи наместнику Проконсульской Африки Гильдону, получившему свой пост от Феодосия в 387–388 гг.²² Очевидно, Феодосий, разбивший армию Магна Максима и обезглавивший самого узурпатора в июле 388 г., опасался, что верные Максиму войска, входившие в состав полевой армии Проконсульской Африки, поднимут мятеж и заблокируют поставки продовольствия из гавани Карфагена в Италию. Несмотря на крайний скептицизм Дж. Гаджеро относительно возможности точной интерпретации сведений лейпцигского папируса²³, мы полагаем, что этот документ, наоборот, не дает оснований для сомнений и двусмысленных толкований – с уверенностью можно сделать вывод, что войсковые подразделения,

²¹ А. Шастаньоль (1965, 285–286) совершенно справедливо предположил, что надпись CIL II. 4911 представляет собой памятник административной реформы, проведенной Магном Максимом в 384–388 гг., – наместник провинции, полное имя которой в тексте не сохранилось, ранее занимал должность *praeses* («презид»), в то время как в период Максима этот чиновник получил более почетный ранг *primus consularis*. И в то же время крайне сложно согласиться с гипотезой исследователя, отождествившего «новую провинцию» с Испанией Тарраконской или Галлецией, где родился сам Максим. В данном случае следует традиционному чтению, представленному в CIL и дополненному корректурами Г.-Г. Пфлаума.

²² Oost 1962, 29. В этом смысле С.И. Оост отказывается от традиционно принятой даты вступления Гильдона на должность комита Африки (386 г.), базирующейся на сведениях поэмы Клавдиана «Война против Гильдона», и относит это событие к 387–388 гг., акцентируя внимание на сообщениях двух писем Иеронима Стридонского.

²³ Gaggero 1998, 1527. Автор отмечает, что документ не содержит данных, позволяющих однозначно сказать, против кого была направлена войсковая экспедиция – в равной мере ее целью, по мнению автора, могли быть как боевые действия с войсками, поддерживавшими италийского узурпатора, так и операция против самого Гильдона, продолжавшего отправлять в Рим продовольствие из гавани Карфагена.

направленные в Африку, должны были подавить возможное и даже неизбежное сопротивление местных гарнизонов, верных Магнусу Максиму.

Следует подчеркнуть, что к войскам, поддерживавшим Магна Максима, принадлежал и старый третий легион Августа, переведенный в Проконсульскую Африку из пограничной армии Нумидии еще в начале IV в. и к концу IV в. обладавший уже более привилегированным рангом *legio comitatenses*²⁴. Несомненно, противостояние таким сильным и опытным военным кадрам требовало перевода в Проконсульскую Африку крупной войсковой группировки, ранее размещенной в пределах соседнего Египта.

Но определенно можно заключить, что легионы и вексиляции, из которых состояла эта региональная армия, после окончания кампании против Максима получили новые места гарнизонов именно в Проконсульской Африке, и их пребывание в Пентаполисе (литературное название Киренаики), засвидетельствованное лейпцигским папирусом, было только временным. Безусловно, этот документ совершенно точно упоминает о перемещении войск именно в Проконсульскую Африку (*εἰς Ἀφρικτῆν*), что, как нам кажется, исключает возможность их возвращения или постоянного размещения в Киренаике (Ливии)²⁵.

И в этом смысле необходимо обратить внимание на еще один греческий папирус, впервые опубликованный в 1966 г., но, к сожалению, мало привлекавший внимание исследователей в интересующем нас контексте. Папирус входит в состав коллекции Государственного музея Берлина под инвентарным номером 13943 и содержит упоминание об отправке анноны (продовольственного содержания) в «Ливию», т.е. в Киренаику. В связи с этим считаем целесообразным привести полный текст тех фрагментов, которые, без сомнений, дают новые сведения о военной истории Киренаики и позволяют уточнить многие детали, связанные с корреспонденцией Синезия Киренского²⁶:

P. Berl. inv. 13943, стк. 1–2 и 5–7

[Κ]λαύδιος Χοῦις Βησᾶ πολιτευόμενος
Ἀντινόου πόλεως... / Ἀὐρηλί(ω) Φιλάμμω-
νι Ἐρμού βουλευτῆ... / ὑπεδεξάμην παρά
σου ὑπὲρ τῆς σῆς πολιτίας ὑπὲρ λόγου
ἄνωνων Λιβόης ἐβδόμης ἰνδικτίονος /
χρσοῦ νομισμάτια διακόσια τεσεράκο-
ντα...

«Клавдий Хвей Бес, гражданин города
Антинои... / Аврелию Филаммону, де-
куриону Гермополиса... / мы получили
от тебя для безопасности твоего города
(и) для исчисления анноны Ливии в 7
индикцион 240 золотых монет»...

Е. Випшица представила вполне убедительные аргументы в пользу датировки этого документа 394 годом, поставив сведения источника в контекст новой

²⁴ Более подробно об истории этого легиона в IV в. см. Ritterling 1925, 1498.

²⁵ Л. Миттайс в комментарии к изданию лейпцигского папируса отметил, что Антинополь (Коптос) служил базой дислоцирования старого соединения эпохи Принципата *ala Heracliana*, в связи с чем, по его мнению, именно этот город и должен был поставить продовольственную аннону войскам, направляющимся из Антинополя в Пентаполис. Соответственно, Л. Миттайс определенно склоняется к мысли об отождествлении данной войсковой группы с подразделением *ala Heracliana*, но у нас нет сведений, позволяющих установить точный состав войсковой группировки, отправленной в Африку. Тезис же об участии старой *ala Heracliana* вызывает сомнения, поскольку последние документы, упоминающие о существовании этого подразделения, относятся к первой трети – середине III в., более того, эта кавалерийская дивизия не фигурирует и в тексте *Notitia*. См. Mitteis 1906, 198.

²⁶ Wipszycka 1966, 351.

экспедиции Феодосия в Италию против очередного узурпатора Евгения. По мнению исследовательницы, отправка чрезвычайного налога в Ливию (Киренаику) должна была снабдить продовольствием и денежным содержанием специальный войсковой корпус (группу армий), переведенный в Киренаику в рамках подготовки к предстоящей боевой операции. Можно согласиться с автором, что войсковые подразделения, размещенные в северо-восточной Ливии, должны были атаковать Карфаген и блокировать поставки зерна в Рим в случае неудачного для Феодосия I исхода военной кампании в самой Италии в целом. К этому времени наместник Проконсульской Африки Гильдон действительно вышел из-под контроля восточноримского императора и все более тяготел к союзу с италийскими мятежниками²⁷.

Мы же, в свою очередь, обратим внимание на другой, принципиально важный момент, связанный с хронологией территориальных перемещений: сопоставление двух папирусов (указанных выше лейпцигского и берлинского) предельно четко показывает, что именно в 394 г. произошел перевод новых войсковых подразделений в Киренаику, приведший впоследствии к их постоянному пребыванию в этом регионе, в то время как события 388 г. (пример с мятежом Магна Максима) свидетельствуют только о временном дислоцировании войск из Египта в пределах северо-восточной Ливии. Борьба или превентивная боевая операция против сторонников Магна Максима в 388 г. потребовала размещения новых войск именно в Африке, но не в Киренаике, тогда как в 394 г. новые обстоятельства вооруженного противостояния и гражданских войн заставили Феодосия отправить группу армий в Ливию в качестве выжидательной меры – решительная победа над легионами Евгения в Италии в битве на р. Фригид привела к новой расстановке сил, и соединения, оставшиеся в Киренаике, положили начало той армии, которая и была представлена в письмах Синезия Киренского.

Другими словами, в 394 г. у восточноримского правительства не возникло настоятельной необходимости в дальнейшем перемещении своих войск из Киренаики в Проконсульскую Африку. Кроме того, в связи со скорой и неожиданной смертью Феодосия в январе 395 г. Константинополь с этого времени был больше занят вопросами территориального разделения империи, распределением ее кадрового аппарата и ресурсов, а также неослабевающей конфронтацией с западноримской администрацией в Равенне, поэтому мы можем прийти к выводу, что новые подразделения продолжали пребывать в Киренаике и после 395 г. Следовательно, на наш взгляд, именно они и составили основу новой региональной армии, расположенной в Киренаике и впервые учрежденной для этой провинции на правах постоянного местопребывания.

Возможно, в целях более эффективного управления этой войсковой группировкой в период между 395 и 399 годами была создана командная должность дукса двух Ливий (Нижней и Верхней), который фигурирует в сохранившихся участках текста *Notitia* только по названию, без указания подчиненных ему подразделений. Д. Роке в целом относит возникновение обособленного дуката Ливии к 398 г., связывая появление нового военного офицера с необходимостью защиты Киренаики от нашествия ряда мавританских племен, выбитых из Проконсульской Африки в ходе очередной и на этот раз последней военной операции против мятежного наместника Гильдона.

Исследователь в равной мере отмечает, что в том же году в Ливию были переведены и новые экспедиционные корпуса (отряды полевой армии *comitatenses*)²⁸, но,

²⁷ Wipszycka 1966, 358–360.

²⁸ Roques 1987, 222, 239.

как мы попытались доказать ранее, впервые процесс размещения войск в Пентаполисе *на постоянной основе* был зафиксирован именно папирусом 394 г., и его данные позволяют утверждать, что примерно в тот же период (394–395 гг.) произошло выделение ливийского военного командования из единого дуката Египта и Ливии, известного нам еще по эпиграфическим источникам начала IV в.²⁹

В 95-м письме Синезий, подвергая резкой критике административную деятельность дукса Кереалия, взимавшего незаконные поборы и платежи с местного населения, предельно четко выразил общее недовольство коррупцией и разложением административного аппарата, царившими на тот момент (407 г.) в Киренаике: «Вновь я писал о том, чтобы отменить у нас военную власть (все люди единогласно о ней говорят именно то, что есть только одно избавление от возмущений – вернуть города под прежнее командование, т.е. поставить их под власть начальника Египта и Ливий)» – (Πάλιν ἔγραφον ὑπὲρ τοῦ λελύσθαι τὴν παρ’ ἡμῶν στρατηγίαν (ὄπερ ἄπαντες ὁμοφώνως οἱ τῆδε ἄνθρωποι μόνον εἶναι φασι λυτήριον τῶν δεινῶν, ἐπανελεθεῖν εἰς τὴν ἀρχαίαν ἡγεμονίαν τὰς πόλεις, τοῦτ’ ἔστιν ὑπὸ τὸν Αἰγυπτίων ἀρχοντα καὶ τὰς Λιβύων τετάχθαι – Ер. 95, стк. 87–92). В этом смысле епископ добавляет, что «я писал о безопасности родины, чтобы она была освобождена от военного присутствия чужеземцев» (ἐγὼ μὲν ἔγραφον ὑπὲρ τῆς πατρίδος ἀστρατείας εἶναι τοῖς ξένοις – Ер. 95, стк. 82–83).

Как видим, территория Пентаполиса была преобразована в отдельный пограничный дистрикт, войсками которого управлял дукс обеих Ливий, и властью этого офицера в лице персонажа по имени Кереалий были недовольны все жители названного региона – в данном случае для нас важен не сам факт должностных преступлений или злоупотреблений, но именно наличие под командованием Кереалия так называемых «чужеземцев», т.е. войсковых подразделений, прибывших в Ливию из других провинций. Но приемлемо ли вслед за Д. Роке трактовать их правовой статус и военный ранг как отрядов полевой армии *comitatenses* и утверждать о размещении в Киренаике каких-либо иных войск, кроме пограничных? Для всех поколений исследователей (для примера укажем на работы В. Сестона и Ж.-М. Карье 1950-х и конца 1990-х годов соответственно) несомненным было отождествление слова *ξένοι* («чужие», «чужеземцы») в корреспонденции Синезия с подразделениями экспедиционной армии, тогда как прилагательное *ἐπιχώριοι* («местные», «туземные»), также фигурирующее в «военных» письмах епископа, традиционно рассматривали как обозначение войск *limitanei*, т.е. соединений местной пограничной армии, без учета вопросов о происхождении и времени создания этих локальных отрядов³⁰.

Следует подчеркнуть, что в 130-м письме, написанном, как предположил Д. Роке, в 405 г. (см. таблицу выше), Синезий действительно упоминает так называемых «местных» солдат (τοὺς ἐπιχωρίους, стк. 14), которых тот же дукс Кереалий, по словам епископа, «освободил от военной службы» (ἀντέδωκεν αὐτοῖς ἀστρατείαν, стк. 12), «поручив идти туда, где кто-либо вознамерится получить пропитание» (βαδίζειν δὲ ἐπιτρέψας ἢ τις ᾗτο θρέψεσθαι, стк. 13). Не прекращая выдвигать

²⁹ См. знаменитые надписи АЕ. 1934. 7–8, упоминающие дукса «Египта и двух Ливий» Аврелия Максимиана, занимавшего свой пост в эпоху так называемой второй Тетрархии (305–313 гг.).

³⁰ Carrié 1998, 108; Seston 1955, 289. Тем не менее следует подчеркнуть, что В. Сестон все же идентифицировал как *ξένοι*, так и *ἐπιχώριοι* с солдатами-колоннами, размещенными в укрепленных фортах и занятыми больше поборам с торговцев, чем охраной вверенной им территории.

новых обвинений против Кереалия, епископ сетует, что «после того как нечего было обложить налогом у чужеземцев, он собрал деньги с их городов... и он отяготил их месторасположение, в которое города свозили золото» (ἐπει τοὺς ξένους οὐκ ἦν ἀργυρολογεῖν, ἡργυρολόγησεν αὐτῶν τὰς πόλεις... βαρυνόμεναι γὰρ αὐτῶν τὴν καθέδραν, αἱ πόλεις χρυσίον εἰσέφερον, стк. 14–15, 17–18) – в результате накал гневных выпадов и инвектив Синезия достигает своего апогея, когда он утверждает, что «произошло распределение от полуварваров к варварам» (καὶ γέγονε διαδοσιμος ἀπὸ τῶν μισοβαρβάρων εἰς τοὺς βαρβάρους, стк. 19–20).

Сложно сказать с абсолютной точностью, что именно имел в виду Синезий и какие образы скрывались за его критикой, но можно предположить, что для епископа было принципиально важно противопоставление войск не по критерию функционального или правового разделения (пограничные – экспедиционные, *comitatenses* – *limitanei*), а исключительно по критерию этнического происхождения – строго говоря, в категорию войск *ξένοι* у Синезия могли быть зачислены и федераты, прибывшие в Киренаику из других регионов, и просто регулярные войска, ранее также размещенные за пределами Ливии, в то время как к классу *ἐπιχώριοι*, как нам представляется, следует отнести те подразделения, которые дислоцировались в Пентаполисе с 394 г. и вследствие этого были наделены в противоречивом сознании епископа титулом «местные» (напомним, само 130-е письмо было написано в 405 г., тогда как папирус 394 г. – первое по времени упоминание, зафиксировавшее прибытие нового войскового корпуса в Киренаику).

Подчеркнем, что вплоть до 394 г. мы не имеем данных о пребывании в Ливии каких-либо войск местного происхождения – материал источников, представленный в первой части нашей работы, как нам кажется, вполне убедительно показывает, что солдаты с наименованием *ἐπιχώριοι* не могли обладать рангом *limitanei* и размещаться в Киренаике до 394 г., тогда как в этом году в провинции был расквартирован корпус, состоявший из *limitanei* и только из *limitanei*, ранее расположенных в соседних провинциях и там в равной мере входивших в состав региональных пограничных, а не полевых армий.

Другими словами, правовой статус и ранг подразделений, переведенных в Киренаику в 394 г., решительно не изменились – и в 394 г., и после они продолжали оставаться исключительно *limitanei*, без включения в состав армии *comitatenses* или присоединения к ним этого титула. И в то же время красноречивое (возможно, риторическое) упоминание неких «варваров» (*βάρβαροι*) отражает практику найма местных кочевых племен, не затронутых романизацией и не обладавших правами римского гражданства, – в этом смысле обозначение *μισοβάρβαροι* содержит намек на присутствие в Пентаполисе войсковых корпусов, набранных ранее из готов или гуннов, с которыми империя еще в 379 и 382 годах заключила ряд союзных договоров.

Дошедший до нас эпиграфический и папирологический материал в сопоставлении с данными писем Синезия может служить весомым доказательством в пользу высказанного выше тезиса. Обратимся поэтому к сведениям источников, позволяющим более детально проследить историю отдельных войсковых соединений позднеимперской Киренаики конца IV – начала V в. В целом Синезий упоминает четыре военных отряда, постоянно принимавших участие во всех боевых операциях против местных кочевых племен: всадники-далматы, подразделение арабской кавалерии, войсковой корпус маркоманнов и гарнизон так называемых уннигардов (наиболее дискуссионный в плане имеющихся у нас сведений об их этническом происхождении и правовом статусе). Рассмотрим каждую войсковую часть более подробно.

Сведения Синезия Киренского и войсковые подразделения позднеримской Киренаики в первой трети V в.: проблемы правового ранга и территориальной дислокации

Далматы

Отряд далматской кавалерии фигурирует в 87-м письме Синезия, написанном, предположительно, в феврале 411 г. и адресованном брату епископа, – по словам Синезия, его брат был «казнохранителем и распределителем хлеба в отряде Далматов» (ταμίαις ἐστὶ καὶ σιτοδότης τοῦ Δαλματῶν τάγματος – стк. 1–2). Более того, он подчеркивает, что «всех Далматов я люблю в равной мере как сыновей, ведь они – народ города, избравшего меня» (Πάντας δ' ἐγὼ τοὺς Δαλμάτας ἴσα καὶ τοὺς υἱέας φιλῶ· δῆμος γάρ εἰσι τῆς λαχούσης με πόλεως – стк. 2–4). Следует отметить, что цитированные пассажи донесли до нас крайне важные сведения о месторасположении подразделения далматов – эта войсковая часть дислоцировалась непосредственно в пределах города Птолемаида, епископом которого и был избран Синезий Киренский, следовательно, по формальным признакам далматскую конницу можно отнести к полевой армии *comitatenses*, подразделения которой всегда размещались только в крупных провинциальных городах³¹.

Но, как нам представляется, данные греческого папируса из Оксиринха решительно опровергают подобную трактовку. Папирус сообщает о выдаче продовольственной анноны отряду далматов «под командованием препозита Лупиана» (Δαλμάτας τοῖς / ὑπὸ Λουπιανὸν / πραιπόσιτον – P. Оху. Vol. XII. № 1513, 2–4), – к сожалению, представленный фрагмент и другие части текста не дают каких-либо точных критериев для их датировки, поэтому его издатели, Б.П. Гренфелл и А.С. Хант, поместили составление документа в общий период IV в. Мы полагаем, что два документа совершенно точно отражают историю одного и того же войскового подразделения – письмо Синезия и папирус из Оксиринха говорят о различных этапах территориальных перемещений отряда далматов, и безусловно, что пассажи епископа в этом контексте зафиксировали более позднее состояние вопроса.

Восточный список *Notitia*, который, как вполне убедительно доказал К. Цукерман, был составлен в 401 г.³², не упоминает в главах по войскам Нижнего и Верхнего Египта (Og. XXVIII и XXXI) каких-либо соединений далматской конницы, следовательно, к 401 г. отряд далматов, фигурирующий в папирусе, был переведен в другую провинцию, – на наш взгляд, этой провинцией была именно Киренаика, в которой Синезий в равной мере зафиксировал пребывание далматских всадников в 411 г. Та же *Notitia Orientis* перечисляет в нескольких главах многочисленные подразделения далматской кавалерии, и некоторые из них были обозначены с порядковыми номерами (*Equites quinto* и *nono Dalmatae* – V. 36–37, *Equites sexto*

³¹ Именно этому критерию активно и последовательно следует Д. Роке (1987, 245), отождествивший военный ранг далматских всадников с *вексилляцией* (кавалерийский отряд численностью в 500 человек) *comitatenses*.

³² Zuckerman 1998, 143–144, 146. Аргументом для исследователя послужила динамика изменений титулов военного комита Египта, установленная на основе анализа папирологических документов, – до 399 г. комит Египта носил звание *vir clarissimus*, в то время как в 399 г. папирусы впервые фиксируют его в более привилегированном и высоком ранге *vir spectabilis*, с которым этот офицер фигурирует и в тексте восточного списка *Notitia*.

Dalmatae – VI. 37, Equites tertio Dalmatae – VII. 27, главы по презентальным (экспедиционным) армиям Константинополя), тогда как большая часть указанных соединений фигурировала без нумерации и входила в состав пограничных армий, размещенных в пределах ближневосточных провинций (см. главы XXXIII–XXXV и XXXVII, общее наименование – Equites Dalmatae Illyriciani).

Детальная история соединений Equites Dalmatae Illyriciani, восстановленная Д. Хоффманом, показывает, что этот тип далматской конницы восходит по происхождению к крупным экспедиционным корпусам (региональным группам армий) боевой кавалерии императора Галлиена, учрежденным еще в конце 50-х годов III в. Исследователь вслед за Э. Риттерлингом правильно установил, что подразделения далматской конницы были набраны в пределах Иллирика (Далмация и паннонские провинции), и это вполне логично получило свое отражение в топониме Illyriciani, в то время как собственно этнический состав указанных войсковых частей был представлен титулом Dalmatae³³.

Другой вопрос, что роль отрядов с тем же этнонимом, фигурирующих в Notitia с порядковыми номерами, значительно отличалась от положения корпусов далматской кавалерии, размещенных в ближневосточных провинциях, первые были расквартированы непосредственно в восточноримской столице и входили в состав экспедиционных «презентальных» (дворцовых) армий, в то время как вторые принадлежали к стационарным пограничным гарнизонам и занимали в военной иерархии более низкий уровень. Несмотря на идентичность кадрового состава, различия в судьбах и статусе двух войсковых категорий зависели в первую очередь от обстоятельств политического характера. В этой связи не будем подробно останавливаться на дискуссионных вопросах военной реформы императора Константина, положившей начало функциональному разделению армии на мобильную (полевую) и пограничную³⁴, отметим только, что вряд ли можно согласиться с мнением Р. Шарфа, согласно которому пронумерованные войсковые части далматской кавалерии представляли собой эскадроны, отмобилизованные в период с 317 по 324 г. с дунайских границ и переведенные в Малую Азию Лицинием – военным противником Константина, готовившимся тем самым к неизбежному и крупномасштабному вооруженному столкновению³⁵.

Эта точка зрения противоречит прежде всего тому рангу, которым обладали пронумерованные далматские всадники в тексте Notitia, – они фигурируют исключительно в числе войск vexillationes comitatenses, что безусловно указывает на наличие у них привилегированного статуса и положения. Сложно поверить, что Константин, разгромивший Лициния в 324 г., мог наделить подразделения далматской конницы, входившие в состав проигравшей армии, рангом comitatenses, причислив их тем самым к соединениям экспедиционных (полевых) сил империи. Следовательно, вполне логично предположить, что названные отряды несли службу непосредственно в армии самого Константина, преобразовавшего эти формирования из рядовых пограничных гарнизонов в вексиляции comitatenses после своей решительной победы над Лицинием. Впоследствии пронумерованные отряды далматов были переведены в Константинополь и размещены в пределах

³³ Hoffmann 1969, 248.

³⁴ Из «классических» трудов на эту тему см. до сих пор не утратившую своей актуальности работу Д. ван Берхема, в которой были поставлены основные вопросы и предложены пути их решения (van Berchem 1952).

³⁵ Scharf 2001, 186, 188, 193.

императорского дворца³⁶ – все перечисленные соображения ставят под сомнение идентификацию корпуса далматов, обозначенного в 87-м письме Синезия, с подразделением экспедиционной армии (версия, предложенная Д. Роке).

Скорее наоборот, мы полагаем, что до своего перевода в Киренаику отряд далматов не размещался ни в Константинополе, ни в какой-либо другой постоянной ставке региональных полевых армий. Сопоставление письма Синезия с папирусом из Оксириха позволяет нам сделать вывод, что указанное формирование далматской конницы располагалось в соседнем Египте и входило в состав того экспедиционного корпуса, который в 394 г. был направлен в Киренаику с целью возможного умиротворения Африки и борьбы с ее наместником Гильдоном.

Следовательно, эскадрон далматов мог обладать только рангом *limitanei*, т.е. он принадлежал к рядовым пограничным гарнизонам военных сил Египта. Крайне неубедительной в этом смысле выглядит версия о перемещении одного из привилегированных далматских корпусов, дислоцировавшихся в столице восточной половины империи, в далекую провинцию, где эта кавалерийская дивизия была расквартирована в небольшой рядовой крепости. В то же время отправка войсковых корпусов из соседнего Египта могла быть осуществлена более оперативно и по своему содержанию она была равнозначной – пограничный гарнизон Египта получил новую ставку в Ливии без изменения своего военного ранга.

Маркоманны

Подразделение маркоманнской конницы упоминается в 110-м письме Синезия, составленном примерно в 405 г. В несколько ироничной форме епископ отмечает (очевидно, в рамках неослабевающей критики социальных порядков, господствовавших в Киренаике того времени), что Хелас, в прошлом – содержатель публичных домов (*Χεῖλᾶς ὁ πορνοβοσκός*), «на исходе прожитых лет вознамерился отличиться в военных порядках. И в самом деле, недавно он прибыл от царя, замыслив командовать самыми доблестными маркоманнами, которые, вероятно, и ранее были доблестными воинами, сейчас же они встретили и подходящего стратига, чтобы показать великое и благородное дело» (*ᾠήθη τοῖς προβεβιωμένοις αὐτῷ γῆρῶν στρατιωτικαῖς ἐλλαμπρύνεσθαι τάξεσιν. Ἐναγχος οὖν ἦκει παρὰ βασιλέως στρατηγεῖν εὐράμενος τῶν γενναιοτάτων Μαρκομάνων, οὓς εἰκὸς ἡμῖν ἐστὶ, καὶ πρότερον ἀγαθοὺς στρατιώτας ὄντας, νῦν ἐπιτυχόντας καὶ πρέποντος στρατηγοῦ, μέγα τι καὶ γενναῖον ἔργον ἐπιδείξασθαι* – стк. 6–12).

³⁶ Вместе с тем в новейшей литературе можно встретить и иные, альтернативные, но подчас противоречивые трактовки военной реформы Константина, – например, нам представляются совершенно необоснованными выводы П. Бреннэна, отметившего, что отряды далматской конницы вместе с другими соединениями *Stugiciani*, указанными в *Notitia*, представляли собой «обратные» переводы войсковых групп из региональной армии *comitatenses*, существовавшей у Лициния задолго до Константина, в балкано-дунайские провинции. Более того, предельно сомнительными выглядят тезисы автора о создании пронумерованных далматских отрядов уже после смерти Константина – сам П. Бреннэн не приводит никаких доказательств в подтверждение своей идеи. Мысль же о наличии армий *comitatenses* до 324 г. не может быть принята, поскольку в подчинении у Лициния, равно как и у других тетрархов, находился только небольшой экспедиционный корпус *comitatus* – подразделения императорской гвардии, группы императорских телохранителей. См. Brennan 2007, 212, 214–216.

Из цитированного пассажа ясно, что всадники-маркоманны (представители одного из сильнейших германских племен, получившего известность еще в эпоху Маркоманнских войн Марка Аврелия в конце 70-х годов II в.) дислоцировались на территории Пентаполиса (Киренаики) уже довольно долгое время (πρότερον), что заставляет нас причислить их к «старым» войсковым подразделениям в смысле времени пребывания в указанном регионе. В то же время дополнительные сведения Notitia, папирологических и агиографических документов позволяют уточнить некоторые детали, связанные с историей формирования и территориальными передвижениями данного отряда. В связи с этим обратимся в первую очередь к греческому папирусу из Гермополиса, датированному 286 годом, в котором мы встречаем упоминание о подразделении всадников-маркоманнов под командованием препозита Агюрина, получивших денежную и продовольственную аннону³⁷.

В VII главе западного списка ND под командованием военного комита Проконсульской Африки указана вексилляция comitatenses Equites Marcomanni (ND. Osc. VII. 183), которую М.П. Шпайдель идентифицировал с маркоманнскими всадниками, обозначенными в цитированном выше папирусе³⁸. Издатель папируса, Г. Мэлер, верно отметил, что указанный документ представляет собой свидетельство о первом, наиболее раннем месте дислокации маркоманнских всадников³⁹. Но у нас возникают серьезные сомнения в правильности предложенного М. Шпайделем решения – сопоставление сведений ND и папируса из Гермополиса не дает весомых аргументов в пользу перевода вексилляции всадников-маркоманнов из Египта в Проконсульскую Африку, поскольку мы обладаем еще одним важным свидетельством о взаимодействиях и контактах маркоманнов и римлян в конце IV в.

В житии Амвросия Медиоланского, написанном его секретарем Павлином, содержится сообщение о том, что предположительно в 396 г. «королева» маркоманнов Фритигил, следуя наставлениям и увещаниям Амвросия, убедила своего мужа, вождя маркоманнского союза племен, принять христианство и «передать себя вместе со своим народом римлянам» (Per idem tempus Fritigil quaedam regina Marcomannorum... mulier suasit viro, ut cum populo suo se Romanis traderet – V. Ambros. 36 (PL. Vol. 14. Col. 42B)). Отбрасывая религиозную основу повествования, рассмотрим военно-политический контекст сведений «Жития» – цитированный пассаж несомненно отразил факт союзного договора, заключенного между западноримским военным магистром Стилихоном, который был фактическим правителем и регентом при малолетнем императоре Гонории, и племенным вождем маркоманнов.

Подчеркнем, что, скорее всего, историчность представленного выше отрывка заключается именно во фразе о передаче себя вместе со своим племенем в римское подданство, т.е. это не что иное, как добровольный переход маркоманнского племенного ополчения в пределы римских границ. В данном случае обе стороны, скорее всего, преследовали свои интересы – маркоманны, судя по всему, стремились заручиться поддержкой Рима и избавиться от опасного для них соседства с другими племенами, стремительно набиравшими силу в тот период, например вандалами, в то время как западноримская администрация рассчитывала пополнить состав своих войск новыми боеспособными рекрутами.

³⁷ καὶ διὰ μηνιαίου Ἀθῶν Μαρκομάννων ἰπτε[ύσιν(?) καὶ ... / στρα(τιώταις) βε^λ ἐκ ἀριθμοῦ Ἀγούρινου πραιποσ[ίτου] – BGU. XI. 2 = Maehler 1968, 138–139, № 2074 г. 2, 5–6.

³⁸ Speidel 1975, 224.

³⁹ Maehler 1968, 137.

В этом смысле исследователи расходятся в оценке значения и последствий указанных в житии религиозных «переговоров», – по мнению Т. Янсена, принятие маркоманнов в римское подданство привело к созданию нескольких войсковых частей, набранных из представителей этого племени. При этом, как полагает автор, новые этнические формирования были даже включены в состав западноримской экспедиционной армии *comitatenses*⁴⁰. В то же время Б.Х. Уормингтон ограничивается осторожным замечанием, что *вексилляция Equites Marcomanni* из Северной Африки «вряд ли могла пребывать в Африке до подавления восстания Гильдона в 398 г.», отмечая, что это соединение было сформировано из маркоманнов, перешедших в империю в 396–397 гг.⁴¹

Мы полагаем, что часть маркоманнов, упомянутых в «Житии» Амвросия, действительно послужила ценным «материалом» для пополнения кадрового состава западноримских полевых войск, – другими словами, *вексилляция Equites Marcomanni* из *Notitia* была учреждена в 396–397 гг. и переведена в Проконсульскую Африку в рамках военной кампании Стилихона против мятежного наместника этой провинции Гильдона. Этот вывод не противоречит и административно-правовому устройству империи в конце IV в., поскольку вплоть до конца IV в.⁴² мы не встречаем в источниках сообщений о каких-либо новых контактах Рима с маркоманнами. После же 395 г. империя окончательно была разделена на две половины, настроенные крайне враждебно друг к другу.

В этой ситуации сложно себе представить, что восточноримская администрация решилась на перевод из Египта, где цитированный выше папирус 286 г. фиксирует размещение маркоманнских всадников, каких-либо подразделений в Проконсульскую Африку, принадлежавшую к западной половине империи. Отсюда следует закономерный вывод, что отряд маркоманнов, столь иронично обрисованный Синезием, на деле представлял собой не что иное, как кавалерийскую дивизию, обозначенную в берлинском папирусе, – в этом смысле мы вновь можем предположить, что подразделение маркоманнской конницы было переведено в Киренаику в 394 г. в составе войсковой группы, направленной в Ливию для подготовки операции против сторонников узурпатора Евгения в Африке. Соответственно, маркоманны из корреспонденции епископа, как и всадники-далматы, обладали только рангом рядовых пограничных формирований.

Арабская конница

В отличие от двух предшествующих соединений, сведения Синезия об арабской коннице на территории Киренаики не оставляют такого количества сомнений и не дают поводов для двусмысленных толкований – один из пассажей 5-го письма епископа, составленного, как полагает Д. Роке, в 407 г., содержит рассказ о военной экспедиции против местных кочевых племен, в которой вынужден был принять участие и сам Синезий. Данный фрагмент упоминает о наличии в группе телохранителей, сопровождавших Синезия и его сподвижников, большого числа арабских

⁴⁰ Janßen 2004, 64.

⁴¹ Warmington 1954, 17.

⁴² Амвросий умер в 397 г., в то время как Павлин помещает рассказ о крещении маркоманнов в тот же год, когда западноримский Август Гонорий, младший сын Феодосия I Великого, первый раз принял титул консула уже в качестве императора – V. Ambros. 36: *Per idem tempus*; V. Ambros. 34: *Per idem tempus cum consulatus sui tempore imperator Honorius in urbe Mediolanensium*, в данном случае – 396 г.

воинов «из отряда всадников» («вместе с нами плывут многочисленные арабы из отряда всадников» – συμπλέουσι δὲ ἡμῖν Ἀράβιοι συχνοὶ τῶν ἀπὸ τοῦ τάγματος τῶν ἰππέων – стк. 111–113).

Несмотря на интенсивные, но малоубедительные попытки И. Шахида доказать принадлежность указанной в корреспонденции арабской дивизии к ala III Arabum, размещенной в соседнем Египте по данным Notitia (ND. Or. XXVIII. 24)⁴³, мы вновь можем подчеркнуть, что этот отряд дислоцировался в Киренаике на постоянной основе и обладал рангом пограничных войск limitanei. Более того, на наш взгляд, соединение арабской конницы, сопровождавшее Синезия, можно отождествить с одним из многочисленных формирований арабской кавалерии, широко представленных в главах восточного списка Notitia по ближневосточным провинциям. Другими словами, мы полагаем, что арабы, фигурирующие в письме Синезия, ранее размещались в ближневосточных регионах и впоследствии были переведены в Киренаику в рамках той же экспедиции 394 г., что и подразделения далматов и маркоманнов.

Уннигарды

Наиболее дискуссионный и даже, не побоимся этого слова, «загадочный» военный отряд, обозначенный в переписке Синезия, – это подразделение так называемых уннигардов, сведения о котором мы можем найти в двух произведениях епископа, а именно в 78-м письме и в полемическом трактате Catastasis (Κατάστασις). Важно отметить в этом плане, что рассуждения епископа в Catastasis содержат ценный эмпирический материал, позволяющий выявить наличие в Киренаике и других войсковых подразделений, не упомянутых в корреспонденции Синезия.

Прежде всего, численность этого отряда оценивается Синезием в 200 человек («если бы их было больше, сверх тех двухсот, которые есть у нас» – οὗτοι πλείους εἰ γένοιτο, πρὸς οἷς ἔχομεν διακοσίους – Catast. I. 2, стк. 14; «У стратига Анисия мы будем просить двести уннигардов, если нам предстоит вернуть соотечественников из земли варваров» – Ἀνυσίῳ στρατηγῷ διακοσίους Οὐννιγάρδας αἰτήσομεν, εἰ μέλλομεν ἐπανάξειν ἀπὸ τῆς βαρβάρου τοὺς συγγενεῖς – Catast. I. 2, стк. 16–18)⁴⁴. В этом смысле откровенная похвала и даже панегирик уннигардам (Οὐννιγάρδαи μετὰ Ἀνυσίου Ῥωμαῖκαὶ χεῖρές εἰσιν – «Уннигарды вместе с Анисием есть римские военные отряды» – Catast. I. 2, стк. 25–26) чередуются у Синезия с обличением и уничтожительной критикой двух войсковых подразделений, одно из которых – «фракийцы» – фигурирует только в пассажах Catastasis. Синезий с возмущением отмечает, что слабость и бессилие местной военной администрации вместе с праздностью «фракийцев» и уже известных нам «маркоманнов» привели к тому, что кочевники-авсурианы, беспокоившие своими рейдами границы провинции, «надевали на себя доспехи всадников-фракийцев не по необходимости, но насмехаясь над их видом, и для того же использовали щиты маркоманнов» (Αὐσουριανοὶ τοὺς τῶν Φρακῶν τῶν ἰππέων ἐνεδύσαντο θώρακας, οὐ κατὰ χρεῖαν, ἀλλ' ἐπεγγελῶντες τῷ σχήματι ταῖς Μαρκομάνων ἀσπίσιν ἐπὶ τοῦτοις ἐχρήσαντο – Catast. II. 2, стк. 13–16).

Примечательно, что в Catastasis, текст которого, как убедительно доказал Х. Лакобрад, был составлен в начале весны 411 г.⁴⁵, упоминается отряд всадников

⁴³ Shahîd 1989, 11–12.

⁴⁴ Здесь и далее ссылки на трактаты Синезия даны по изданию: Terzaghi 1944.

⁴⁵ Lacombrade 1951, 234–235.

с наименованием «фракийцы», которое, как мы полагаем, по содержанию представляло собой исключительно топоним, но не этноним – данная войсковая часть была набрана из местных жителей провинции Фракия и отражала тем самым территориальный принцип комплектования. Д. Роке в целом затрудняется с ответом на вопрос о характере функций и правовом статусе «фракийцев» Синезия, подчеркивая, что они не могли принадлежать к рангу *limitanei*, которые были пехотными соединениями («фракийцы» же обозначены в *Catastases* как всадники), но одновременно не входили в состав и войск *comitatenses*, где, наоборот, *Notitia* фиксирует только один пехотный вспомогательный отряд (*auxilium*)⁴⁶. Мы же можем отметить, что формирование «фракийцев» вполне может быть отнесено к категории войск *ξένοι*, столь часто фигурирующих у Синезия, – это соединение, очевидно, представляло собой не известный по другим документам отряд, переведенный в Киренаику из Фракии позже маркоманнов, с которыми тем не менее фракийцы составляли единую войсковую пару.

Отсылка к дате *Catastasis* (весна 411 г.) в этом контексте совершенно не случайна – уже в июне того же 411 г. Синезий произнес в своем 78-м письме не менее красноречивый и выразительный панегирик отряду уннигардов, которых народу Пентаполиса следует «предпочесть всем воинам, не только так называемым местным, но и тем, кто когда-либо прибывал в эти места по договору» (πρὸς τὴν ἐπιπέθει πάντων στρατιωτῶν, οὐ τῶν ἐγχωρίων λεγομένων μόνον, ἀλλὰ καὶ ὅσοι πόποτε κατὰ συμμαχίαν εἰς τοῦσδε τοὺς τόπους ἀφίκοντο – стк. 3–5). Учитывая сведения *Catastasis*, мы можем выделить у Синезия четкое противопоставление уннигардов как доблестных и «римских» воинов именно маркоманнам и фракийцам как «местным» и «прибывшим по договору» отрядам соответственно. Другими словами, фракийцы, набранные в балкано-дунайских провинциях, были «внешними» (*ξένοι*) солдатами, в то время как маркоманны уже долгое время – с 394 г. (см. пункт выше) – дислоцировались в пределах Киренаики.

Столь отчетливые симпатии епископа к уннигардам, как подчеркнул в свое время Х. Лакобрад, были вызваны противоречиями социально-политической философии Синезия – гневная критика готов и других германских племен у него была четко противопоставлена восхвалению гуннов, в качестве союзников империи разбивших готское войско и обезглавивших лидера готов, Гайну, в 400 г. В связи с этим исследователь отождествляет аллегорические образы волка и льва, фигурирующие в трактате Синезия «Египетские речи, или о промысле», с гуннами и готами соответственно⁴⁷. Не подвергая сомнению тезис о гуннском происхождении уннигардов⁴⁸, отметим, что скорее всего, гунны, прибывшие в Киренаику, в прошлом не были рядовым пограничным подразделением, как в случае с далматами, маркоманнами, фракийцами и арабами.

⁴⁶ Roques 1987, 246.

⁴⁷ Lacombade 1951, 106; 1946, 265–266. Из доступных нам относительно новых работ возражения этой точке зрения см. Long 1987, 106–108. По существу возражения Ж. Лонг сводятся к простой констатации факта, что Синезий не мог положительно оценивать гуннов в силу своей общей ненависти к варварам и неослабевающей враждебности самих гуннов, постоянно грабивших границы империи в 395–401 гг.

⁴⁸ Помимо схожих элементов в этимологии, написании и звучании двух терминов, в пользу этого вывода можно привести еще один аргумент: в «Гетике» Иордана содержится рассказ об одном из гуннских племен, которое историк называет хунугурами (*Hunuguri autem hinc sunt noti – Iord. Get. V. 37*) – этноним, во многом близкий, если не родственник *Ὀὐννιγάρδαи* Синезия.

Мы можем предположить, что отряд уннигардов восходит по своему происхождению к тем гуннам, из которых, согласно «Галльской хронике 452 г.», была набрана гвардия телохранителей всемогущего префекта-временщика Руфина, наиболее влиятельного персонажа восточноримской политической элиты в 395 г. (Chron. Gall. a. 452 (Chron. Min. I, ed. Th. Mommsen, p. 650): Rufinus Bosforitanus... interficitur Chunorum, quo fulciebatur, praesidio superato).

В ноябре того же года Руфин был убит в результате заговора, устроенного его непримиримым противником Стилихоном, регентом западноримского императора Гонория. Соответственно, мы можем предположить, что после устранения своего патрона и покровителя гуннские дружины были переправлены из Константинополя на далекую периферию (Киренаику) с целью предотвратить новые мятежи и беспорядки в восточноримской столице. Поэтому вряд ли мы можем согласиться с мнением Д. Роке, отнесшим уннигардов Синезия к палатинской (дворцовой) вексилляции, размещенной в Константинополе и выделившей из своего состава небольшой отряд численностью в 40 человек, который и был размещен в Киренаике⁴⁹. На наш взгляд, крайне маловероятно, что соединения гуннов, подчинявшиеся Руфину, не только продолжали оставаться в Константинополе после убийства последнего, но и даже вошли в состав одной из презентальных (полевых) армий, получив самое привилегированное положение и статус.

Действительно, еще весной 411 г., согласно сведениям Catastasis, уннигардов в Пентаполисе было только 40 человек («без него же (т.е. без учета Анисия – командующего подразделением уннигардов. – Е.М.) у меня есть сила восхвалить и сорок из них, кто есть в наличии» – ἀνευ δὲ τοῦτου καὶ τοὺς τετταράκοντα τοὺς παρόντας ἐπαινεῖν μὲν ἔχω τῆς Ῥώμης – Catast. I. 2, стк. 26–27). В связи с этим в 78-м письме Синезий призывает того же Анисия обратиться с просьбой к императору (δεήθητι βασιλέως) «присоединить сто шестьдесят человек к этим сорока» (ἄνδρας ἑκατὸν ἐξήκοντα τοῖς τετταράκοντα τοῦτοις προστεθῆναι – стк. 33–34). Но, во-первых, из текста письма не следует, что сам Анисий физически пребывал в Константинополе (ἐν τοῖς αὐτοῦ γράμμασι – «в своих же письмах», т.е. он должен был отправить официальное прошение, юридический документ в канцелярию императора), более того – Синезий не сообщает точно, куда именно были переведены 160 уннигардов, которых так не хватало для защиты провинции.

Можно предположить, что, скорее всего, произошло вполне обычное для того времени разделение кадрового состава уннигардов и перемещение определенного количества солдат этой дивизии в один из соседних регионов, но приказ об этом был отдан не рядовым командующим местного уровня, наподобие дукса или коми-та, а непосредственно военным магистром Востока, ставка которого располагалась в сирийской Антиохии. Именно поэтому Синезий рекомендовал Анисию обратиться к императору, поскольку только он мог отменить указ регионального генерала. Ко всему вышесказанному следует добавить, что фраза Catastasis «если бы их было больше, сверх тех двухсот, которые есть у нас» (οὗτοι πλείους εἰ γένοιτο, πρὸς οἷς ἔχομεν διακοσίους) предельно четко свидетельствует, что ранее, до 411 г., численность уннигардов насчитывала именно 200 человек, и все они пребывали на территории Киренаики.

Все представленные соображения вновь позволяют нам прийти к выводу, что уннигарды Синезия не обладали статусом войск *comitatenses* или палатинских

⁴⁹ Roques 1987, 249.

ауксильий/вексилляций, а представляли собой этническую войсковую часть, прибывшую в Киренаику в полном кадровом составе предположительно в 395 г. Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно подчеркнуть: именно 394 год, как нам представляется, стал поворотным моментом в военной истории Киренаики, сыграл в этом вопросе ключевую роль. Войсковой корпус, состоявший из нескольких пограничных подразделений, положил начало тем постоянным гарнизонам Ливии, которые фигурируют в корреспонденции Синезия Киренского, но сам этот корпус включал в себя отряды, происходившие из армий других провинций. В данном случае из Египта были отправлены маркоманны и далматы, в то время как ближневосточные провинции предоставили арабскую кавалерийскую дивизию. Исключение составляют уннигарды, но и они, как было показано выше, не относились к войскам экспедиционной армии.

Литература

1. *Bénabou M.* 1976: La résistance africaine à la romanisation. P.
2. *Brennan P.* 2007: Zosimos II. 34. 1 and «The Constantinian Reform»: Using Johannes Lydos to Expose an Insidious Fabrication // *The Late Roman Army in the Near east from Diocletian to the Arab Conquest / A.S. Lewin, P. Pellegrini* (eds). Oxf., 211–218.
3. *Carrié J.-M.* 1998: Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autorité militaire dans les provinces égyptiennes de Gallien à la conquête arabe // *Antiquité Tardive.* 6, 105–121.
4. *Chastagnol A.* 1965: Les Espagnols dans l'aristocratie gouvernemental à l'époque de Théodose // *Les empereurs romains d'Espagne / A. Chastagnol, A. Piganiol* (eds.). P., 269–292.
5. *Gaggero G.* 1998: I riflessi africani delle usurpazioni di Magno Massimo ed Eugenio // *L'Africa romana: atti del 12. Convegno di studio Olbia, 12–15 dicembre 1996.* Vol. 3 / M. Khanoussi, P. Ruggeri, C. Vismara (eds.). Sassari, 1521–1532.
6. *Garzya A.* 2003a: Synésios de Cyrène. T. 2. Correspondance. Lettres I–LXIII / Texte établi par A. Garzya, tr. et comm. par D. Roques. P.
7. *Garzya A.* 2003b: Synésios de Cyrène. T. 3. Correspondance. Lettres LXIV–CLVI / Texte établi par A. Garzya, tr. et comm. par D. Roques. P.
8. *Goodchild R.G., Reynolds J.T.* 1962: Some Military Inscriptions from Cyrenaica // *Papers of the British School at Rome.* 30, 37–46.
9. *Haile G.* 1980: The Martyrdom of St. Peter, Archbishop of Alexandria // *AB.* 98. 1–2, 85–92.
10. *Hoffmann D.* 1969: Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Bd I. Düsseldorf.
11. *Hooff G. van.* 1882: Christophori martyris Acta graeca antiqua // *AB.* I, 121–148.
12. *Janßen T.* 2004: Stilicho: Das Weströmische Reich vom Tode des Theodosius bis zur Ermordung Stilichos (395–408). Marburg.
13. *Lacombrade Chr.* 1946: Synésios et «l'énigme du loup» // *Revue des Études anciennes.* 48. 3–4, 260–266.
14. *Lacombrade Chr.* 1951: Synésios de Cyrène: hellène et chrétien. P.
15. *Lambrechts P.* 1937: Bijdragen tot de geschiedenis van het Romeinsch keizerrijk // *L'Antiquité Classique.* 6. 1, 129–135.
16. *Long J.* 1987: The Wolf and the Lion: Synesius' Egyptian Sources // *GRBS.* 28. 1, 103–115.
17. *Maehler H.* 1968: Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen Berlin. Griechische Urkunden. Bd XI. 2: Urkunden den römische Zeit / Bearb. von H. Maehler. B.
18. *Maier I.* 1968: The Giessen, Parma and Piacenza codices of the Notitia Dignitatum with some related texts // *Latomus.* 27. 1, 96–141.
19. *Maier I.* 1969: The Barberinus and Munich Codices of the Notitia Dignitatum omnium // *Latomus.* 28. 4, 960–1035.
20. *Martindale J.R.* 1980: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395–527. Cambr.
21. *Mitteis L.* 1906: Griechische Urkunden der Papyrussammlung zu Leipzig. Bd I / L. Mitteis (Hrsg.). Lpz.
22. *Neira Faleiro C.* 2004: El «Parisinus latinus 9661» y la «Notitia Dignitatum»: nuevas aportaciones // *Latomus.* 63. 2, 425–449.

23. ND – Notitia Dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum / O. Seeck (ed.). Berolini, 1876.
24. *Oost S.I.* 1962: Count Gildo and Theodosius the Great // *Classical Philology*. 57. 1, 27–30.
25. *Palanque J.-R.* 1965: L'empereur Maxime // *Les empereurs romains d'Espagne* / A. Chastagnol, A. Piganiol (eds.). P., 255–268.
26. *Ritterling E.* 1925: Legio // *RE*. 12. Stuttgart, 1330–1829.
27. *Roques D.* 1987: Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. P.
28. *Scharf R.* 2001: Equites Dalmatae und cunei Dalmatarum in der Spätantike // *ZPE*. 135, 185–193.
29. *Seston W.* 1955: Du «comitatus» de Dioclétien aux «comitatenses» de Constantin // *Historia*. 4. 2/3, 284–296.
30. *Shahid I.* 1989: Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington.
31. *Speidel M.P.* 1975: The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // *ANRW*. Bd II. 3, 202–231.
32. *Stein A.* 1936: Tenagino Probus (Ein Beitrag zur Glaubwürdigkeit der Historia Augusta) // *Klio*. 29. 2/3, 237–242.
33. *Terzaghi N.* 1944: Synesii Cyrenensis opuscula / N. Terzaghi (ed.). Vol. II. Roma.
34. *van Berchem D.* 1952: L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. P.
35. *Vera D.* 1975: I rapporti tra Magno Massimo, Teodosio e Valentiniano II nel 383–384 // *Athenaeum*. 53. 3–4, 267–302.
36. *Warmington B.H.* 1954: The North African provinces from Diocletian to the Vandal conquest. *Cambr.*
37. *Wilcken U.* 1908: Zu den Florentiner und den Leipziger Papyri // *Archiv für Papyrusforschung und Verwandte Gebiete*. IV, 423–486.
38. *Wipszycka E.* 1966: Un papyrus d'Égypte et la guerre de Théodose le Grand contre la réaction païenne en Occident // *Eos*. 56. 2, 350–360.
39. *Woods D. St.* 1994: Christopher, Bishop Peter of Attalia, and the Cohors Marmaritarum: A Fresh Examination // *Vigiliae Christianae*. 48. 2, 170–186.
40. *Zuckerman C.* 1998: Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis // *Antiquité Tardive*. 6, 137–147.

MILITARY UNITS OF THE LATE ROMAN CYRENAICA IN IV–V AD: THE PROBLEMS OF ORGANIZATION AND MOVEMENTS ACCORDING TO THE DATA OF SYNESIUS OF CYRENE

E. A. Mekhamadiev

The epistolary heritage of Synesius of Cyrene, bishop of Ptolemais and the most distinguished representative of the so-called «Hellenic Christianity», may be considered as the main source on the military history of Late Roman Cyrenaica in the first third of the 5th c. AD. But the problem of these data consists in narrow chronological limits of Synesius' correspondence and inaccuracies of his military terminology. The author of the present paper used the evidence of inscriptions and papyri to trace the history of the military units mentioned in Synesius' letters. The comparative analysis led the author to the conclusion that up to 394 AD Cyrenaica had no regional (local) army of its own, and all military campaigns against the local nomadic tribes were carried out by the troops moved to Pentapolis only temporarily. It was not until 394 AD that a new military corps was set in Libya in the frameworks of preparing a probable campaign in North Africa, and this corps was composed from various cavalry and infantry detachments. These units had the status of frontier garrisons (*limitanei*) and had been dislocated in Egypt or Near Eastern provinces. The author maintains that even after this transfer to Cyrenaica they did not change their status and continued to be *limitanei*.

Keywords: Cyrenaica, Synesius of Cyrene, nomadic tribes, vexillations, legions, barbarians, frontier troops, field armies.